

В Друе находится один из четырех так называемых Борисовых камней. Это огромные валуны с шестиконечным крестом и надписями. Они располагались на берегах Двины.[2]

В данной статье рассматриваются концепции развития будущего белорусской архитектуры, обсуждаются возможности реконструкции и возрождения насел пунктов с уникальным культурно-историческим прошлым.

Без прошлого нет будущего. Сегодня Друя уже не процветающий город, а исторические останки, превратившие его в простую деревню. Много опустевших домов. Былая гордость Друи, ее церкви и костелы, свентари и мощеные улицы в руинах или вовсе снесены. Но так было не всегда.

Анализируя и изучая это красивейшее место, его историю, архитектуру и динамику развития, мы сделали выводы, что Друя расположена на интересном историческом маршруте. Это место занимает свою достойную нишу в развитии истории нашей страны.

Живописные пейзажи Беларуси характерно подчёркивают Друйские окраины; архитектурные останки, пронизанные запахом исторических столетий; и братья – соседи, которые имеют не малую долю отношения к этому местечку. Всё это проявляет в нас любовь к Родине в наивысшей степени.

И стоит сделать всё возможное, что зависит от нас в восстановлении этого места. Реконструкция Друи может стать главным аспектом в её «воскрешении».

Привлечение волонтеров в реконструкции и финансирование государством, вполне окупится в ближайшее время. Удачное географическое и политическое положение Друи является хорошим развитием туристических перспектив Республики Беларусь.

Литература

1. Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва: Исторические судьбы северо-западного края. СПб. 1890. С. 382
2. Чантурия В. А. Полюмя //Архитектурные памятники Белоруссии. Минск. 1982. С.190

©БГУ

ВОССТАНИЕ 1863–1864 гг. И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Е.Г. ЛУФЕРЧИК, В.В. СЕРГЕЕНКОВА

The purpose of the article is to study the influence of the uprising of 1863–1864 on the Russian policies in the Kingdom of Poland. The author makes an attempt to analyse the special measures of Russian government in the Polish lands during and after the uprising of 1863–1864. He proposes to abandon the use of the term «Russification» in the description of the national policy on the outskirts of the Russian Empire. The results of research allow concluding that the government carried the policies of full harmonization and centralization of the management in the Polish lands, their integration into the Russian Empire, and conducted the emergency measures in the field of linguistic, educational and administrative policies

Ключевые слова: Польский вопрос, восстание 1863–1864 гг., Царство Польское, Российская империя, русификация, национальная политика

Традиционно в историографии, как отечественной, так и зарубежной, национальная политика на окраинах Российской империи характеризуется как «русификаторская». Поэтому, во многих работах можно встретить определение политики в Царстве Польском и на территории белорусско-литовских губерний после восстания 1863–1864 гг. как «русификации», под которой часто понимается этническое насилие и принудительная ассимиляция. Однако всегда ли правомерна такая характеристика национальной политики на окраинах, и можно ли с точностью определить ее содержание? Как справедливо отмечают некоторые современные исследователи, в историографии назрела необходимость детализировать содержание понятия «русификация», выделить его характерные черты, а может и отказаться от употребления [10, с. 55; 27, р. 540].

Говорить о русификации как о политике с единым контентом во всех регионах Российской империи неправомерно. Представляется, что более уместно указывать на специфическую национальную политику, которая могла меняться в зависимости от политических реалий и реакции общественности. На территории Царства Польского, такая специфичность проявлялась в различных сферах. Административно-политический статус Царства Польского напрямую зависел от отношения российского правительства, особенно монарха, к полякам. Образовательная и языковая политика определялись благонадежностью населения польских земель и белорусско-литовских губерний. После подавления восстаний на этих территориях всегда наступали периоды ограничения использования польского языка в различных сферах. Примером особенности конфессиональной политики в Царстве Польском, связанной, иногда, с обрусением, могут служить разные формы, насильственные и ненасильственные, обращения униатов в православие. Российская ассимиляционная политика по отношению к населению белорусско-литовских губерний, которые поляками рассматривались как составная часть их единого

Отечества, диктовалась представлением о едином русском народе. В первой половине XIX в. это подчеркивалось в наименовании западных губерний – «губернии от Польши возвращенные» [12; 18], что особо болезненно воспринималось поляками. В то же время, польский народ не был подвержен ассимиляции. Различные чиновники польского происхождения прибегали к возможности находиться на русской службе для скорейшей реализации «желанных планов возродить свое Отечество» [23, с. 218]. Как отмечал «Польский катехизис», поляк должен был служить России, зарабатывать русские деньги, а затем, выйдя в отставку, переезжать в Царство Польское и тратить эти деньги на борьбу за национальную независимость [23, с. 219]. Поэтому, представляется, что говоря об определенной симпатии польского чиновничества России и их подверженности некоторым заимствованиям, уместнее использовать определение «аккультурация», подчеркивая при этом специфичность польского национализма [10, с. 58–59]. Специфичность кадровой политики в Царстве Польском диктовалась стремлением правительства империи не допустить прихода на руководящие посты в регионе радикально-настроенных политиков. Все эти, а также многие другие, особые черты российской политики в Царстве Польском рассматриваются далее в контексте изменения политического положения в регионе.

Эволюция отношения правительства Российской империи к польскому государству проявилась, прежде всего, в его наименовании [1, л. 22]. До 1860-х гг. в российском законодательстве чаще использовалось название «Царство Польское», реже – «Польша». В 1860-х гг. эти названия стали заменяться словосочетаниями «губернии Царства Польского» и «губернии Привислинские». 5 марта 1870 г. Александр II предписал именовать российскую Польшу «губерниями Царства Польского», однако в ряде статей Свода законов Российской империи наименование «Царство Польское» сохранилось. С 1887 г. наиболее применяемыми стали словосочетания «губернии Привислинского края», «Привислинские губернии» и «Привислинский край», а в январе 1897 г. Николай II отдал распоряжение, которым употребление названий «Царство Польское» и «губернии Царства Польского» было ограничено случаями крайней необходимости, хотя из Свода законов эти названия так и не были удалены.

Поражение Российской империи в Крымской войне продемонстрировало экономическую отсталость страны, и часть общества начала решительно требовать модернизации. Наряду с оборонными и экономическими проектами, Александр II осуществил ряд реформ либерального характера. Важнейшей из них была отмена крепостного права 19 февраля 1861 г. и наделение крестьян возможностью выкупать земли. Кроме того, в 1864 г. была проведена судебная реформа, в частности, были введены мировые суды и суд присяжных. На уровне местного самоуправления были учреждены представительные органы власти – земские учреждения. Земские школы стали сельскими центрами образования. Были расширены многие гражданские свободы, ослаблена цензура, уменьшены ограничения религиозных меньшинств, амнистированы политзаключенные (в том числе участники восстания 1830–1831 гг.), отменены тяжелые телесные наказания и ограничения на выезд за границу, введена университетская автономия. Либеральные начинания Александра II способствовали оживлению общественности. События русско-польской истории получили новое освещение. Значительное влияние на это оказала польская политика Александра II.

В фарватере «севастопольской оттепели» в 1857 г. в Царстве Польском было учреждено Земледельческое общество, которому правительство разрешило заняться вопросами освобождения крестьян. Постепенно оно превратилось в ассоциацию, преследовавшую законодательные и политические цели и фактически ставшую чем-то наподобие представительства страны.

С 1860 г. в Царстве Польском начались беспорядки. Революционно настроенные поляки требовали от правительства реализации положений Органического статута 1832 г. В 1861–1862 гг. усилились требования аграрных реформ, демократизации и независимости. Радикальные демократические и патриотические группировки выступали за открытую борьбу и готовили восстание [11, с. 145–146]. Царское правительство, стремясь не допустить восстания, разработало проект нового управления Царством Польским. В марте 1861 г. был восстановлен Государственный совет, образованы губернские, уездные и городские советы, было решено открыть высшие учебные заведения и преобразовать средние школы. Был подтвержден официальный статус польского языка, поляки вновь назначались на важные административные посты. В целом, после реакционной политики Николая I, на рубеже 1850-х – 1860-х гг. была восстановлена внутренняя автономия Царства Польского. Однако все эти меры оказались недостаточными, так как в польском обществе все большую популярность приобретала идея всенародного восстания, которое позволило бы «вернуть независимость» в границах 1772 г.

10 (22) января в Варшаве началось восстание, получившее название «Январское». В этот день польский Центральный национальный комитет опубликовал воззвание, в котором призывал население к оружию и объявлял «всех сынов Польши без различия веры, племени, происхождения и сословия» свободными и равноправными гражданами. Одновременно был провозглашен декрет, который преду-

смастривал ликвидацию крепостничества, передачу крестьянам во владение ту землю, которую они обрабатывали, и наделение безземельных крестьян тремя моргами земли [5, с. 126]. Целью восстания было возрождение польской государственности. В течение десяти дней Литовский провинциальный комитет издал свои манифесты, в которых соглашался с программными документами Центрального комитета и призывал население западных губерний поддержать восстание [2; 9]. Восстание охватило территории Царства Польского, белорусско-литовских и украинских губерний Российской империи. Его также поддержало польское население Пруссии и Австрии, и польская эмиграция.

«По случаю возникших [...] в Царстве Польском беспорядков, угрожающих сопредельным с оным губерниям» Александр II опубликовал рескрипт на имя Виленского генерал-губернатора В.И. Назимова [13]. Монарх «временно облакал» В.И. Назимова особой властью: придавать военному суду и приводить приговоры без их конфирмации в отношении зачинщиков беспорядков или «предводителей мятежнических шаек», создавать чрезвычайные комиссии по рассмотрению дел и определению степени виновности лиц, «взятых с оружием в руках, избобличенных в содействии мятежникам». Этими же полномочиями наделялись военные генерал-губернаторы, а где их не было, начальники дивизий.

Восстание быстро охватывало территории сопряженных с Царством Польском земель, что вынудило правительство пойти на объявление военного положения в них [15]. Чиновники пытались не допустить массового участия населения белорусско-литовских губерний в восстании. Для предотвращения возможной поддержки «мятежа» со стороны участников восстания 1830–1831 гг., их имения и капитал освобождались от конфискации [22]. «Начальники» губернии неоднократно обращались к населению, требуя «верности данной государю императору клятве», исполнения «верноподданнического долга», «сопротивления злонамеренным проискам мятежников», «охранения общественного порядка». Дворянству и помещикам запрещалось отлучаться из своих имений без особого разрешения властей, проводить какого-либо рода собрания и съезды, какие бы цели они не преследовали [26]. Домовладельцам и держателям постоянных дворов предписывалось сообщать в милицию о появлении «бродяг», «подозрительных лицах и нарушителях общественного порядка», одевавшихся «преимущественно в польские национальные костюмы, в шапки, называемые конфедератками, и пояса с металлическими пряжками» [20]. Сельским обществам следовало удерживать проживавших на их земле шляхту, однодворцев, разночинцев, а также помещичью прислугу и «дворовую челядь» от участия в «мятеже» или содействия ему [20; 7]. За нарушение предписаний грозили лишения званий и сословных достоинств, расквартирование военных частей в домах нарушителей, наказания в соответствии с военным полевым уставом, административные взыскания. На имения участников «мятежа» налагались секвестры [25].

Обращаясь к крестьянам, В.И. Назимов напоминал им о дарованной императором отмене крепостного права. Он подчеркивал, что содействие крестьян в поимке «злоумышленников» будет способствовать скорейшему открытию поверочных комиссий и облегчению их доли [19]. Действительно, многие исследователи отмечают, что именно крестьянская реформа и ее распространение 12 февраля 1864 г. на территории Царства Польского [16; 17; 14] способствовали в значительной степени подавлению восстания.

Для подавления восстания на территорию Царства Польского был введен значительный военный контингент, составлявший в июле 1863 г. 340 тыс. солдат [11, с. 149]. Русские войска превосходили польских повстанцев в разы, поэтому основной тактической формой ведения военных действий повстанцами стали короткие партизанские вылазки. Тем не менее, из-за ограниченного участия широких слоев населения в восстании, хорошо организованной административной политики в польских и белорусско-литовских губерниях, благодаря деятельности наместника Ф.Ф. Бергу и Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, а также успешной деятельности российской армии, восстание было подавлено.

Результаты восстания для польских и белорусско-литовских земель были трагическими. Десятки тысяч повстанцев погибли, более 40 тыс. были сосланы в Сибирь, десятки тысяч переселены во внутренние губернии России. Правительством было конфисковано и передано российским офицерам и чиновникам более 1600 имений в Царстве Польском и более 1800 в белорусско-литовских губерниях. Чтобы избежать преследований, многие участники восстания эмигрировали. Последствия поражения восстания 1863–1864 гг. были гораздо более значимыми и многосторонними, нежели тридцать лет назад. Если применительно к ситуации 1830-х гг. можно, хотя и очень упрощенно, говорить о военно-политическом поражении восстания, то с эпохой 1860-х гг. связан не только военно-политический, но и идеологический разгром: «польское общественное мнение [...] было подавлено и растеряно, не знало, чему верить и чего ждать» [цит. по: 8, с. 140].

Подавление восстания 1863–1864 гг. было поддержано практически всеми периодическими изданиями. Пожалуй, только газета «Колокол» А.И. Герцена сожалела, что не удалось распространить революционные начинания на российские земли [3, с. 90]. Для остальной печати восстание с самого начала ассоциировалось с угрозой радикальных всеобщих перемен в России. Главный проповедник консервативно-монархических идей М.Н. Катков указывал на существование совместной деятельности «польских агитаторов» и «домашних революционеров» в польском восстании, влияние польского восстания на возникновение революционных сил в России: «эти пророки и герои русской земли (как польские агитаторы чествуют их, льстя их глупостям) сами не подозревают, чьих рук они создание» [6, с. 187]. Корреспондент «Московских ведомостей» писал: «Мы не знаем как близко издатели “Колокола” принимают к сердцу интересы французских швей, но мы знаем, что они принимают близко к сердцу интересы польских повстанцев, и, открывая в пользу их подписку, осыпают ругательствами русских офицеров и солдат» [21, с. 571].

В журнале «Вестник Европы» выстраивалась аргументация, которая должна была развеять всякие сомнения относительно правоты России, решительно подавившей «мятеж» и ликвидировавшей польскую государственность. Отмечалось, что польское движение носило чисто шляхетский характер, хотя и делилось на «красных» и «белых». Католическое духовенство действовало в полном согласии с видами Папы римского, желавшего «основать в пределах империи государство, независимое от верховной власти и подчиненное исключительно римскому первосвященнику» [24, с. 121]. Покарав революционеров, правительство выступило освободителем народной массы от гнета высшего сословия. В первом же внутривостановочном обозрении 1868 г. редакция признала, что правительство «одержало победу во всех пунктах». В одном ряду с крестьянской, земской, цензурной реформами было названо и «подавление польского мятежа» [4, с. 382]. Редактор журнала М.М. Стасюлевич и его ближайшие сотрудники были, видимо, искренне убеждены в том, что между этими «победными пунктами» не было никакого содержательного противоречия.

Таким образом, политический курс правительственной политики в Царстве Польском определялся восприятием поляков «как врагов» Отечества, что было связано с их организацией и участием в восстании 1863–1864 гг. Благодаря удачной административной политике и военному превосходству восстание было успешно подавлено. Правительство взяло курс на полную унификацию и централизацию управления польскими землями, их интеграцию в состав Российской империи, и проведение чрезвычайных мер в области языковой, образовательной и административной политики. При определении характера политики, проводимой российской администрацией в Царстве Польском и белорусско-литовских губерниях, необходимо учитывать ее сложность и разнонаправленность, а также зависимость от различных каузальных факторов внутри- и внешнеполитического характера.

Литература

1. Бахтурина А.Ю. Государственное управление западными окраинами Российской империи (1905 – февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2006. 303 л.
2. Воззвание Литовского провинциального комитета (Комитета движения) к жителям Литвы и Белоруссии с призывом к восстанию. Между 10 и 20 января 1963 г. // Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Документы и материалы. М., 1965. С. 1.
3. Герцен А.И. Поляки прощают нас! // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954–1965. Т. 12. 1957. С. 87–93.
4. Ежемесячная хроника. 1 января 1868 г. // Вестник Европы. 1868. Т. 1. Кн. 1. С. 380–400.
5. История Польши: в 3 т. М., 1954–1958. Т. 2. 1955. 633 с.
6. Катков М.Н. Польский вопрос // Идеология охранительства. М., 2009. С. 179–191.
7. Копия с циркуляра военно-уездным начальникам, уездным исправникам и Минской палате государственных имуществ // Минские губернские ведомости. 1863. № 28, 12 июля. С. 488–489.
8. Лазарева Д.И. Сочинение К. Крживицкого «Польша и Россия в 1872 году» в контексте истории польской общественно-политической мысли второй половины XIX в. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Минск, 2004. Вып. 1. С. 136–142.
9. Манифест Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии о наделении крестьян землей. 20 января 1863 г. // Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Документы и материалы. М., 1965. С. 3.
10. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. 248 с.
11. Нарыс гісторыі Польскай Дзяржавы і Народу. X–XXI стст. Варшава, 2007. 312 с.
12. О порядке удостоверения в происхождении дворянских фамилий по Остзейским и присоединенным от Польши губерниям. 18 ноября 1830 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб., 1830–1885. Т. 5. Отд. 2. 1831. № 4104. С. 379–381.
13. Об облечении Виленского военного, Гродненского, Минского и Ковенского генерал-губернатора особой властью и предоставлении ему принять меры, необходимые к охранению в край, по случаю беспорядков возникших в Царстве Польском. 14 января 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб., 1825–1881. Т. 38. Отд. 1. 1863. № 39161. С. 60–61.
14. Об образовании ликвидационной комиссии Царства Польского. 19 февраля (2 марта) 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб., 1825–1881. Т. 39. Отд. 1. 1864. № 40611. С. 141–150.

15. Об объявлении пограничных с Царством Польским уездов западных губерний на военном положении и постановление о том, чтобы, в случае появления шаек мятежников, судить захваченных с оружием по полевым уголовным законам. 15 января 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб., 1825–1881. Т. 38. Отд. 1. 1863. № 39169. С. 67.
16. Об устройстве крестьян Царства Польского. 19 февраля (2 марта) 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб., 1825–1881. Т. 39. Отд. 1. 1864. № 40609. С. 120–128.
17. Об устройстве сельских гмин в Царстве Польском. 19 февраля (2 марта) 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб., 1825–1881. Т. 39. Отд. 1. 1864. № 40610. С. 128–141.
18. Об учреждении в губерниях, от Польши возвращенных, особых комиссий для рассмотрения метрических и актов книг. 18 декабря 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб., 1830–1885. Т. 8. 1834. Отд. 1. № 6644. С. 770–773.
19. Объявление от виленского военного губернатора, генерал-губернатора Виленского, Ковенского, Гродненского и Минского, командующего Виленского военного округа // Минские губернские ведомости. 1863. № 8, 22 февраля. С. 143–144.
20. Объявления от начальника Минской губернии // Минские губернские ведомости. 1863. № 6, 6 февраля. – С. 110.
21. Письма варшавского корреспондента в № 163 «Московских ведомостей». 18 июля // 1863 год: собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописе»: в 2 вып. М., 1887. Вып. 1. С. 568–573.
22. По именному указу «Об освобождении от конфискации имений и капиталов, принадлежавших лицам, осужденным после 1831 г. за политические преступления, поступивших не поступивших да сего времени в казну» // Минские губернские ведомости. 1863. № 5, 1 февраля. С. 85–86.
23. Польский Катехизис // Собрание статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России: в 2 вып. Вильна, 1885–1887. Вып. 1. 1885. С. 217–228.
24. *Понов А.* Последняя судьба папской политики в России (1847–1867). IX–XII // Вестник Европы. 1868. Т. 2. Кн. 3. С. 53–122.
25. Правила для наложения секвестра на имущества лиц, причастных к беспорядкам, возникших в пограничных с Царством Польским губерниях, и для заведования и распоряжения ими имениями. 15 марта 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: в 55 т. СПб.: Тип. II Отделения, 1825–1881. Т. 38. Отд. 1. 1863. № 39377. С. 221–223.
26. Циркулярное предписание г. Виленского военного, Гродненского, Минского и Ковенского генерал-губернатора начальникам губерний, от 18 января 1863 г. // Минские губернские ведомости. 1863. № 5, 1 февраля. С. 93.
27. *Weeks Th.* Defending Our Own: Government and the Russian Minority in the Kingdom of Poland, 1905–1914 // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. P. 539–551.

©БГАМ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В. КОРОТКЕВИЧА В МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЯХ БЕЛОРУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ 2-й ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОПЕР В. СОЛТАНА «ДЗІКАЕ ПАЛЯВАННЕ КАРАЛЯ СТАХА» И.Д. СМОЛЬСКОГО «СІВАЯ ЛЕГЕНДА»)

И.В. ПИЛАТОВА, Е.Н. ДУЛОВА

In the article two belarusian operas “The Wild Hunt of King Stach” by V. Soltan and “Gray-haired Legend” by D. Smolsky are investigated using an integrated approach to the analysis of opera’s text. Methodological base consists of literary, immanent-musical, and in-depth analysis of opera’s text-process and text-result. Eventually, features of the organization of each text level of opera as a musical and theatrical phenomenon are identified

Ключевые слова: оперный текст, текст-процесс, текст-результат, комплексный анализ, литературоведческий метод, имманентно-музыкальный анализ, глубинный анализ, архетип

На современном этапе развития музыкальной науки весьма актуальными становятся вопросы методологии анализа текста музыкально-театральных сочинений. В последнее время приоритетным среди ученых-музыковедов является комплексный подход к исследованию оперы, включающий совокупность музыковедческих, а также литературоведческих и культурологических методов.

Проанализировав два ярких художественных произведения белорусской музыки – оперу «Дзікае паляванне караля Стаха» В. Солтана и «Сівую легенду» Д. Смольского – мы убедились в целесообразности комплексного подхода к исследованию музыкально-театральных сочинений как синтетических художественных текстов. Кроме того, попытка применить совокупный метод исследования многоуровневой структуры оперного текста впервые была предпринята по отношению к отечественным произведениям.

Для проникновения вглубь сочинений и постижения смысла, заложенного в них всеми участниками творческого акта создания оперы, как непосредственными (либреттистом и композитором), так и опосредованными (писатель), нами был применен метод анализа текста-процесса и текста-результата (по аналогии с терминологическом оппозицией Б. Асафьева «форма-процесс» – «форма-кристалл» [1]).

Исследовав тексты первоисточника и либретто, мы обнаружили общие закономерности организации содержания и формы исторических повестей В. Короткевича, ставших базой для написания обеих опер, а также отметили основные черты его стиля. Затронув вопрос, касающийся степени точности